

СПОР В ПОВЕСТИ

С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

ОБСУЖДАЕМ НОВУЮ
ПОВЕСТЬ В. ТЕНДРЯКОВА
«НОЧЬ ПОСЛЕ ВЫПУС-
СКА» («НОВЫЙ МИР»,
№ 9, 1974 г.)

Повесть Владимира Тендрякова «Ночь после выпуска», как и многие другие произведения этого писателя, с интересом встречена читателем. Вскоре после выхода номера «Нового мира» (1974, № 9), где она опубликована, в редакцию пришло несколько читательских откликов. Авторы писем говорят о том, что повесть их задела, обсуждают и поддерживают мысли писателя, спорят с некоторыми его решениями.

Живая читательская реакция, безусловно, свидетельствует о

важности вопросов, затронутых в повести «Ночь после выпуска». А разноречивость мнений и оценок связана, думается, помимо острых жизненной проблематики, еще и с тем, что писателю не все удалось в его новом произведении.

Проблемы жизни сегодняшней школы, проблемы воспитания молодежи — а именно этому посвящена повесть — животрепещущи, они волнуют многих людей. Учитывая это, редакция «ЛО» и решила устроить коллективное обсуждение повести В. Тендрякова, при-

Т. ПЕРЕСУНЬКО

Ночь после выпуска... Для героев новой повести В. Тендрякова она останется памятной не праздничностью своей, а той беспощадной схваткой суждений, когда обнажаются души и нет, кажется, никакой возможности уйти от суда собственной совести.

Выступление на выпускном вечере десятиклассницы Юлочки Студенцевой, которая считалась гордостью школы, — гром среди ясного неба. Девушка дерзнула сделать «выпад» в адрес любимых учителей. Они воспитали в ней однаково прилежное отношение ко всем школьным предметам, но не научили жить. Теперь, когда надо выбирать путь в жизни, она оказывается беспомощной, как, впрочем, почти все ее одноклассники...

После выступления Юлочки Студенцевой и учителя и ученики «размежевались»: кто за, а кто и против юной бунтарки. Именно с этого момента завязываются в повести споры вокруг животрепещущих вопросов: что есть школа наших дней? Каких людей и как она призвана учить и воспитывать? Какой он, молодой человек?

Шестеро выпускников спорят между собой о чести и совести, подвергая беспощадной критике друг друга со свойственной юности нравственной требовательностью. Не случайно местом чинимого ими «суда» автор выбрал не стены школы, а городской сквер на виду всего города, высокий берег реки около обелиска погибшим воинам...

А шестеро учителей, взволнованные ЧП на выпускном вечере, задержались в учительской. «Производственная», профессиональная их полемика на поверку выходит все тем же спором о чести и совести, об идейно-нравственном воспитании молодого человека.

В. Тендряков не раз в своем творчестве обращался к теме школы. Его прежде всего интересует в подростке и юноше не кто он, а какой он, к чему призван.

Проблема признания сродни проблеме человеческого счастья. Осознание человеком того, что он на своем месте и выполняет работу по сердцу, — основа его душевного равновесия и творческого отношения к труду. Вот почему, по мысли В. Тендрякова, советская школа должна воспитывать людей не равнодушных, а энтузиастов, способных увлекаться работой и точно выбирать себе будущую специальность.

А для этого, утверждает повесть, нужно быть высоконравственным человеком.

Писатель, обостряя развитие событий, заставляет читателя поверить вдруг в то, что и Юлочка Студенцева, и Игорь Проухов, и Натка Быстрова, и даже мягкая и добрая Вера Жерих способны своей жесткой прямолинейностью морально убить человека, как это видно из сцен их «суда» над Генкой Голиковым. Последний не остается в долгу перед ними. Словно какая-то злая волшебная сила открыла ящик Пандоры: из него вихрем вырвались взаимные оскорбления, ниспровержение всего и вся, что еще недавно ребята

И СПОР О ПОВЕСТИ

гласив на него педагогов и литераторов. Разумеется, мы хотели при этом, чтобы разговор коснулся и чисто литературной стороны дела: художественных принципов В. Тендрякова и того, как проявились они в этом его произведении, в чем оно художественно убедительно и в чем — нет.

Публикуя стенограмму «круглого стола», «ЛО» редакция предлагает ее первым из полученных нами откликов на повесть — письмом доцента пединститута Т. Пересунько (г. Николаев). Затем пуб-

ликуются выступления участников обсуждения. На обсуждение были приглашены педагоги и литераторы — директор 67-й московской школы Р. Бескина, прозаик и критик И. Стрелкова, критик Л. Аннинский, зам. директора 67-й школы Е. Топавер, сотрудник одного из научно-исследовательских педагогических институтов М. Черкезова, критик В. Оботуров, библиотечкарь М. Курилина, учительница литературы 67-й школы В. Вайнберг, критик С. Филюшкина.

считали дружбой, любовью, честью и совестью. Подобные резкие повороты сюжета вообще присущи творческой манере В. Тендрякова. Писатель как бы испытывает на прочность характеры своих героев.

Но вот пружина действия начинает раскручиваться в обратном направлении. Сократ Онучин сообщает одноклассникам о готовящейся расправе над Генкой Голицыным со стороны подонка Яшки Топора и его компании. Вот тут-то, перед лицом надвигающейся опасности, обнаруживаются деятельная доброта, чувство справедливости, неприятие слепой силы зла у тех, кто еще недавно так бесцеремонно и беспощадно «судил» Генку... В поединке со злом ребята, таким образом, выходят победителями.

В. Тендряков говорит читателю: для людей нового общества с их стремлением к нравственному совершенству особенно важно беречь честь смолоду, быть достойными лучшего в себе.

Как явствует из этого письма, Т. Пересунько безоговорочно принимает повесть В. Тендрякова.

Обсуждение повести в редакции «Литературного обозрения» показало, что отношение к ней участников «круглого стола» неодинаково. Были высказаны самые разные суждения.

В. ВАЙНБЕРГ

Я принадлежу к числу тех людей, которым Тендряков глубоко интересен как писатель. Его книги всегда очень остро задевают и волнуют. Но в этой новой повести, как мне показалось, то, что было основным и сильным в других произведениях Тендрякова, обернулось слабостью. Думаю, что автор письма в «Литературное обозрение» не прав, когда не видит в повести недостатков.

Тендряков, это известно, любит использовать острые, драматичные нравственные ситуации. Здесь у писателя был тот же подход, тот же принцип. Но на этот раз драматические положения превратились у него в мелодраматическую историю.

Вся история с разоблачением и затем спасением Генки не убеждает. Почему все как с цепи сорвались и произошел такой жестокий спор? Почему Генка оказался сначала таким плохим и только потом найдены факты, которые его оправдали?

Тендряков всегда любил создавать характеры, которые прежде всего интересны и не как характеры даже, а как воплощение определенной концепции, точки зрения. Здесь он шел по тому же пути, но то, как это решено, меня не убедило. Все произведение направлено на то, чтобы показать, как хорошее переходит в плохое (и наоборот). Вся вещь построена на этом. Причем житейская сторона как-то совсем по-

терялась, и герои существуют словно вне сферы бытия: мы не знаем, как они именно такими получились и что предопределило их необычное, парадоксальное поведение.

Да, нам очень знаком мир, изображенный Тендряковым, мы встречаем людей похожих. Но в том, как развиваются события, как неожиданно проявляют себя люди, допущены, мне кажется, произвол, искусственность.

Своеобразная композиция, которая заставляет следить отдельно за учениками и их спором, отдельно за учителями и их разговором, — это, казалось бы, очень удачно и должно возбудить интерес. Но перебивка получилась искусственная, получилась чересполосица, которую все время хочешь преодолеть. Ученики живут в своем микромире и спорят между собой, а учителя спорят в учительской, и между ними никаких контактов, к сожалению, в сюжете не возникает.

Школа не научила жить, разбираться в жизни — эта мысль проходит лейтмотивом. Да, мы все заинтересованы, чтобы работа учителя способствовала воспитанию человеческих качеств ученика. Досадно, что автор не доказал это, не пересек линий учительской и класса. Досадно и то, что, как и в некоторых других книгах, учительская блещет серым фоном, и никаким другим. Ольга Олеговна, которая претендует на значительность, тоже незначительна и ничего выдвинуть в противовес тому, что говорят другие, не в состоянии. Наверное, интересно задуманы мужские персонажи, но они тоже ведут довольно тусклый разговор — в частности о том, обучать ли ребят с помощью кинолента. А, кстати, это уже не проблема, она достаточно обсуждалась в педагогических дискуссиях...

Не потерялся ли в повести тот нравственный заряд, который Тендряков хотел до нас донести?

И. СТРЕЛКОВА

Я хотела бы обратить внимание собравшихся вот на какой психологический нюанс: писатель, представляя нам эту свою повесть, явно рассчитывает на особую дискуссионную атмосферу, которая должна вокруг нее создаться. В самой повести идет острый разговор. Даже не один, а два параллельных разговора начистоту. И написана она, в общем-то, с надеждой, даже с расчетом, что вы-

зовет споры. Это я говорю не в укор Тендрякову. Он любит написать так, чтобы вызвать острые прения. И мы его за это любим.

Итак, два обсуждения в повести — и еще наш читательский разговор. Я еще раз хочу подчеркнуть: диспут — это и дух повести Тендрякова, и ее метод. Причем важно, что у Тендрякова и учителя и выпускники современны, эрудированны. Вполне профессиональные критики, участники обсуждений...

И вот я думаю: а ведь героям повести не только откровенность доступна, но и общие места известны. Вспомните, ведь у славной Юлечки, которая правду сказала — дескать, не знаю, куда в жизни идти, — у девочки этой рядом с чистой совестью и откровенностью проскальзывает страсть к общим местам. Школа не дала, не научила — вот за что она готова спрятаться. И позже, когда Игорь скажет: «А кто из нас в костер бросится, чтоб другому тепло было?» — Юлечка мило отзовется: «Может, я брошусь». Кто из читателей ей здесь поверит? Этому простенькому — «я брошусь»?

Это не больше чем общее место из школьного сочинения: «Если понадобится, каждый из нас повторит подвиг...» Так пишут в школе. И не задумываются часто, что подвиг потому и подвиг, что на него способен не каждый.

Мы знаем у Тендрякова его любимый сюжетный ход: поставить героя перед каким-то испытанием. А что, если обыкновенный мальчишка найдет икону и ее объявит чудотворной? А что, если прохвост втянет рабочих ребят в карточную игру? И вот теперь: а что, если учителя и ученики однажды поговорят друг с другом начистоту?

Испытания — это современно как литературная форма. Но вот что хотелось бы сказать. Когда-то кожаных дел мастер дубил кожу, потом шил сапоги, и кто-то двадцать лет ходил мимо окон сапожника в этих сапогах; или, напротив, если они оказывались плохи, через год шил другие. Сейчас кожу проверяют очень быстро: в течение двух дней, на разных машинах — рвут, трут. Быстро. Выдержал — не выдержал... Это в производстве. Но можно ли так испытывать характер? Подумайте: если бы Наташу Ростову испытали одной лишь историей с Анатолем Курагиным — мы бы ее просто не знали! У Тендрякова на испытательную аппаратуру вздернут

общий любимец, баловень судьбы Генка...

Учительская же линия попросту малоинтересна. Может быть, писатель, идя на этот эксперимент и одновременно показывая — верно сказала тов. Вайнберг — неинтересную учительскую, хотел сказать: пока вы тут ломаете копыя, как лучше формировать личность, ваши ученики сели на простейшей внеконкурсной задачке — нравственной задачке. Ведь как получилось? Слово за слово, а доходит до того, что надо решать: убить или не убить человека?

Может быть, это и интересный замысел. Но как художник Тендряков отступает тут перед собственным волюнтаризмом. Испытывать так испытывать! Получилась не живая жизнь, а испытательный стенд.

И затем — такая же легкость прозрения. И легкий вывод: «Мы научимся жить, Юлька».

С. ФИЛЮШКИНА

Я хотела бы спросить: вы упомянули о любви Юлечки к общим местам. Как считаете вы: автор повести видит эту черту своей героини, видит демагогию в ней или, напротив, не замечает?

И. СТРЕЛКОВА

Вот этого я не знаю. Право, о многом в повести можно лишь гадать. Определенно же скажу одно: я убеждена, что нравственное исследование нельзя строить на столь жестких, заданных условиях. Любой эксперимент над человеком негуманен. И тот, который устраивают над Генкой ребята, и тот, который проводит писатель над ребятами.

Художественное исследование — это одно, а вот такая проверка, такой эксперимент — это совсем другое.

Я очень люблю бесстрашие Тендрякова, не раз им доказанное. Но я не сомневаюсь, что Тендряков знал, что человека воспитывает не одна школа, а воспитывает общество во всем его многообразии и прежде всего семья. Знал, но ограничил себя слишком узкими рамками для выяснения обстоятельств.

С. ФИЛЮШКИНА

Я не случайно задала вопрос о Юлечке. Устами Юлечки Тендряков называет много проблем. Например, права ли школа в своем требовании, чтобы ученик ровно шел по всем предметам — и любимым, и нелюбимым, и кто дол-

жен развивать призвание ученика и т. д. Но автор как бы перестает видеть многообразие всех этих проблем, хочет все свести к одному тезису: в Юлечке пробуждается личность. И эта мысль автора скорее просто постулируется, навязывается читателю, как, впрочем, и многое в произведении держится именно на постулировании, авторской декларации, а не на художественном раскрытии проблем.

Отсюда — схематизм произведения. То есть, конечно, вполне сознательно, подчеркнuto параллельно автор строит действие: в учительской спорят шесть человек и в парке шесть человек; в учительской — избиение Зои Владимировны, в парке — избиение Генки. Но когда так же резко, кратко, тезисно Тендряков пытается сказать об очень сложных и деликатных проблемах, результат получается упрощенный.

Тендряков хотел сказать о неблагоприятии в школьном воспитании, о том, что в воспитании молодежи сказывается неумение открыть личность, пробудить в человеке его призвание. Об этом надо говорить. Каждый из нас по опыту знает, что все это вопросы крайне важные, жизненные. Но прозвучали ли они в повести так остро и драматично, как должны были прозвучать? Внешняя острота есть. А внутренняя?

Сцены в парке и в учительской по смыслу своему повторяют друг друга, и даже реплики здесь похожи: «Мы забыли о человеческом достоинстве!», или слова Ольги Олеговны: «Мы не воспитываем в детях чувство человеческого достоинства»... Но ведь этих тезисов мало для художественного исследования, где суть дела в характерах, индивидуальностях.

В. ОБОТУРОВ

А по-моему, писатель имеет право исследовать само явление, а не характер. Можно предположить, что новая повесть Тендрякова именно так и задумывалась и писалась...

Р. БЕСКИНА

Мне хочется сказать о том жизненном, что затронуто в произведении Тендрякова. Я тоже вижу его чрезмерную «выстроенность», меня тоже раздражают две непересекающиеся линии спора — в учительской и в парке. Но мы с моими коллегами из 67-й школы зна-

ем: повесть уже широко читается и учителями и, что еще важнее, старшими школьниками. А это значит, что в ней поставлены действительно интересные проблемы. Интересен спор молодежи. Действительно, на кого должен работать сегодняшний учитель? Надо ли работать на одаренных ребят особом? Это постоянный спор, и даже у нас троих, учителей-словесников из одной школы, нет по этому поводу единого мнения.

Ребята, их линия — это мне показалось по-настоящему интересным в повести. Я поверила в Генку, я вижу этого человека — с топорщащимся характером, с очень контрастными и немотивированными поступками. Я вижу ребят, они показали мне яркие, интересные и живыми.

Что касается Юлечки, то в общем, это довольно типичный и распространенный образ круглого отличника. Всем в школе она занималась равно прекрасно. Откровенно говоря, я этого не принимаю, не думаю, что человек может одинаково увлекаться математикой и литературой. Вот такая Юля когда-то, в результате родительских усилий, в наглаженном фарточке, с бантиками в волосах, начала шагать по лесенке примерной ученицы и продолжает шагать — и в силу традиций и в силу честолюбия. Вероятно, права тов. Стрелкова, когда говорит о чертах демагогичности в этой девочке. А вообще-то я думаю, что демагогия как черта вовсе не характерна для современного школьника.

Некоторые, прочитав Тендрякова, недоумевают: дескать, как могут дети, которые только что закончили школу, говорить друг другу такие вещи?! Но это, по существу, неправильный подход к старшеклассникам. Мы искусственно задерживаем пору взрослости старшеклассников. Мы говорим «будущие граждане», «будущие строители», но это чепуха, старшеклассники не нуждаются, чтобы о них говорили только в будущем времени, они уже сейчас решают взрослые проблемы.

Фактически Тендряков выступил в защиту молодежи, выступил с утверждением, что она, наша молодежь, хорошая в своей основе — при всех ее сложностях, при всех перепадах в ее развитии.

А вот изображение учителей мне не понравилось. Я бы хотела, чтобы меня правильно поняли. Я не защищаю «честь мундира». Но, право, в учительской люди собрались неинтересные. Когда я прочитала повесть, то подумала: ко-

го бы из учителей я хотела пригласить работать в нашей школе? И не нашла никого!

В фильме «Доживем до понедельника» педагогический конфликт понятен еще и потому, что там есть яркие личности. А здесь разговор в учительской кажется очень постным, хотя автор, видимо, считает, что, напротив, этот разговор необыкновенно остер. Но ведь даже «передовая» Ольга Олеговна — как же она однопланова, как неинтересна...

Конечно, мы не должны требовать от автора, чтобы он дал ответ на все поставленные вопросы? Наверное, то, что мы сегодня говорим об этой повести и что говорят о ней ребята и хотят ее читать, очень важно, и достоинство повести в том, что она ставит ряд проблем. Это проблемы, которыми занимается школа, многомиллионная армия советского учительства, Академия педагогических наук, и очень хорошо, что литература хочет этому помочь.

Л. АННИНСКИЙ

Я с уважением отношусь к мнению педагогов. Могу и со своей стороны сказать: да, конечно, Владимир Тендряков искренне озабочен проблемами школы. Но повесть эта не нравится мне. Не нравится по трем причинам.

Первое: она сконструирована. Едва десятиклассники, уйдя с выпускного вечера, устроились в скверике с бутылкой «Гамзы» и начали «игру в откровенность», я понял, что задумана некая нравственная «баня», из которой положительные герои выйдут еще более положительными. А когда параллельно точно такой же сеанс круговой критики-самокритики устроили учителя и автор начал небрежно сбрасывать действие туда-сюда «в самом интересном месте», — я понял, что возможности сюжета исчерпаны, и своим ходом диалог двигаться не могут — нужен допинг.

Итак, спорили они, спорили, ругали друг друга, ругали и до того очистили главного героя Гену, что тот полетел куда-то на крыльях, и прочие стали рваться вслед за ним. Свелось дело к дидактическому вопросу: хватит ли у положительных героев сил не поссориться? Проще сказать: побегут ли они за вдруг обидевшимся Генкой, остановят ли его?

Я-то думаю, что в общем театрализованном контексте этой повести этот финальный жест носит чисто сценический характер. Но автор нагнетает страсти: если ге-

рои не побегут за Генкой — Гену убьет Яшка Топор...

Какой еще Топор? А хулиган местный. «Человек со стороны». Он ни к школе, ни к проблемам, обсуждаемым в повести, прямого отношения не имеет. Он просто висит здесь для устрашения, этот Топор. Чтобы положительные герои помирились с положительным Генкой.

Я, конечно, знаю, что хулиганство на улицах — проблема, к сожалению, реальная, и писать об этом надо. Но плох тот сюжет, который движется из-под Топора!

Второе: меня не вдохновляет нравственная позиция автора повести. Я имею в виду не те чисто профессиональные вопросы преподавания, в которых В. Тендряков имеет, конечно, прочную публицистическую позицию, но чувства автора, описывающего то, что происходит между героями.

А происходит противоестественное моральное разделение друг перед другом. Какое-то коллективное выворачивание, когда хочешь не хочешь, а выставляешь подноготную: «коллектив решил». Не знаю, как здесь насчет эмпирического правдоподобия (мне-то кажется, что подобные допросы: «ты с кем дружишь?», «тебе кто нравится?», «ты что обо мне думаешь?» — характерны скорее для школьниц пятого-шестого класса, впервые обнаруживающих возможности подобных методов, нежели для десятиклассников, в силу возраста куда более деликатных). Но допустим! Допустим, что семнадцатилетние юноши и девушки, устроив в скверике собрание, приняли вышибать друг из друга признания, кто кому тайно нравится, кто перед кем раздевался и кто кому про кого что сказал три года назад. Какое чувство должно посетить обыкновенного смертного, сделавшегося свидетелем этого судилища? Стыд! Жгучий стыд и неловкость! Боль, что дети наши способны на такую беззастенчивость, на такую изощренную жестокость, на такую глухоту к сокровенному!

Автор же, по-моему, испытывает совсем иные чувства. Мне показалось даже, что он торжествует... Тогда — без нас!

Третье. Сами характеры повести, сама суть конфликта предстает мне анахроническими. Общий дух, когда ученики «бунтуют», а учителя «возмущаются», — это уж скорее новация для некоторых повестей или пьес пятидесятых годов. Тогда было такое открытие в литературе: «са-

мозаичита» нежных учеников от «грубых» учителей. Но я знаю, что сейчас, в семидесятые годы, и ученики другие, и учителя другие, и общий дух другой.

Это еще от «Аттестата зрелости» Л. Гераскиной идет: суд над идеальным учеником, который после суда и самоочищения оказывается еще лучше. Тендряков использует здесь схему четвертьвековой давности. Я убежден, что эта схема устарела. Современные ребята озабочены вовсе не «идеальностью» своего облика. Они вообще мыслят в иных категориях. Они куда практичнее и трезвее своих предшественников и готовят себя не к идеальной Деятельности, а к реальной и конкретной работе.

И к учителям они относятся не так, как ученики пятидесятых годов. Не боготворят и не бунтуют. Скорее так: дружат или жалеют. Понимают все! И учителя не те. Заметьте: сейчас в учителях — и те самые отроки, которые когда-то вместе с героями В. Розова воевали за «понимание» их юных душ! Это им, тогдашним мечтателям, борцам против казенщины, жизнь дала теперь самим в руки указку. И сюжеты, разыгрывающиеся между нынешними, все понимающими учителями и нынешними, все понимающими учениками, далеки от схем десятилетней, двадцатилетней давности.

Но для того, чтобы обсуждать, что делается в школе теперь, боюсь, нужна какая-то другая повесть.

М. КУРИЛИНА

Я отваживаюсь спорить с профессиональным критиком, но хочу сказать, что мне повесть Тендрякова показалась очень убедительной. Среди мнений читателей нашей библиотеки есть и отрицательные, близкие к тем, которые здесь высказывались: дескать, писатель сделал неоправданный эксперимент. Но больше мнений других: люди говорят о том, что повесть произвела на них глубокое волнующее впечатление, что в ней поднимаются очень острые проблемы, что она призывает к человеческой внимательности друг к другу.

Для меня Тендряков ценен тем, что он писатель смелый, он не боится показывать сложность, многозначность человека, то удивительное, что находится на донышке каждого из нас. И при этом страстно выступает за духовность, нравственность, за то, чтобы человек был лучше.

Читают Тендрякова очень охотно, на полках у нас в библиотеке его книги не простаивают. И эта повесть тоже уже пользуется большим спросом.

Е. ТОПАВЕР

Мне кажется, что мы мерим повесть не теми мерками, какими ее надо мерить. Здесь не раз уже говорилось, что некоторые ситуации искусственны, идут от заданности и авторского волюнтаризма. Но, думаю, надо учесть, что эта вещь написана в стиле философской притчи. Ведь самый факт, что линия учителей и линия учеников существуют параллельно, нигде не пересекаются между собой, говорит об определенной условности. За этим стоит мысль о стене, разделяющей тех и других.

Мне пришло в голову при чтении повести, что Зоя Владимировна, старейший учитель, которая преподавала, наверное, еще в ликбее, и Юля — это явления одного порядка, что здесь есть параллель между ординарностями. Что, в сущности, происходит? Зоя Владимировна терпит крах, а Юля была на пороге этого краха, но своим выступлением делает заявку на то, что все-таки будет личностью. Я не думаю, что она демагог, напротив, она искренне воспитывает в себе новые душевные качества.

И еще одна мысль здесь проглядывает. Не знает школа своих учеников! Вот в Юле все видели одно, а оказалось совершенно другое! «Паинька» оказалась с характером, да еще с каким!

Здесь уже говорилось: не одна школа воспитывает. Но, конечно, и школа — тоже. И самый главный упрек сегодняшней школе, предъявляемый автором, в том, что она мало учит жить.

Я позволю себе не согласиться с собственным директором, когда она говорит о бесспорной зрелости нынешних выпускников. Все-таки ученики наши к столкновению с жизнью не слишком готовы. И мы, увы, учеников от этого столкновения всеми имеющимися средствами стараемся оградить. Что греха таить — оберегая ученика, очень часто мы учим его определенным канонам, учим видеть человека однолинейно. А вот у Тендрякова ребята после выпускного вечера убедились — пусть и на жестоком эксперименте над живым человеком, но убедились, — что человека судить однолинейно невозможно; что человек многозначен и его можно видеть с разных сторон, а если говорить о нем однознач-

но, то результат может получиться убиственный.

Школа такой многозначности жизни должна учить. И повесть Тендрякова еще раз говорит о необходимости этого.

М. ЧЕРКЕЗОВА

Тендряков любит дискуссии, причем дискуссии «многопроблемные». Именно это можно сказать о споре между завучем школы Ольгой Олеговной и преподавательницей литературы Зоей Владимировной.

Ольга Олеговна обвиняет старую учительницу в том, что она плодит невежд, тупых, невнимательных, ничем не увлеченных людей. Ольга Олеговна затрагивает наболевший вопрос — как изучать литературу, чтобы она была для учеников не суммой скучных и ненужных сведений, а драгоценной сокровищницей, из которой можно почерпнуть ответы на все без исключения вопросы, волнующие молодых.

Да, в словах Ольги Олеговны есть правда. Но почему же так настораживает ее выступление? Когда читаешь, то как-то все больше сочувствуешь старой учительнице, несмотря даже на то, что плохо преподает она литературу.

Дело в том, что с точки зрения высоких нравственных требований, предъявляемых к человеку, Ольга Олеговна оказывается несостоятельной. Ведь она бестактна в своем обвинении старой учительницы, человека, в сущности, глубоко несчастного, который отдал школе всю жизнь, все силы, все время и в итоге остался одиноким. Не вина Зои Владимировны, а беда ее, что нет в ней творческого огня, что слепо верит она несовершенным программам и психическим методическим указаниям. Но она любит школу, отдала ей сорок с лишним лет жизни, начала учительствовать тогда, когда еще существовал ликбез. С этим нужно считаться, это необходимо уважать. А Ольга Олеговна в своем полемическом азарте грубо и бестактно осуждает ее.

Нет, внешняя расстановка сил (правая Ольга Олеговна и неправая Зоя Владимировна) оказывается не такой уж простой. И, думаю, отношение автора к Ольге Олеговне тоже далеко не однозначно. Не случайно в характеристике ее появляются довольно многозначительные штрихи. Ее место в учительской учителя называют прокурорским. Ольга

Олеговна категорична в суждениях, никогда не сомневается в своей правоте, спешит с выводами. И еще вопрос, кто больше принесет вреда: недалекая, но добросовестная Зоя Владимировна или эта неукротимая «правдолюбка».

Мне показалось, что в изображении подростков как раз нет вот этой неоднозначности, сложности. Психологически не оправдано то прямо-таки сладострастное наслаждение, с которым эти юноши и девушки унижают друг друга. Предельно обнажая, заостряя проблему, не слишком ли рационально строит писатель свою схему? Не приносит ли в жертву ей характеры ребят, раскрывая их, в сущности, односторонне?

В. ВАЙНБЕРГ

Между прочим, Зоя Владимировна не так уж безобидна. Заметьте: она обречена на одиночество. Почему? Потому, что мало эрудированна? Однако же не только на эрудиции строятся отношения между учителем и учеником. У нас есть очень эрудированные учителя, которые не пользуются успехом. Зоя Владимировна сорок с лишним лет проработала в школе и не получила слова благодарности от учеников! Значит, дело, наверное, и в ее нравственной глухоте.

А Ольга Олеговна не вызывает симпатий потому, что она ничтожила человека, пусть и пришедшего к краху. Ее нравственная черствость безгранична.

Нет, учителя в этой повести не вызывают симпатии...

Р. БЕСКИНА

У меня реплика Льву Аннинскому. Вы считаете, что проблемы, поставленные в этой повести о школе, — вчершний день. Но Тендряков размышляет о важной сегодняшней проблеме: педагогический коллектив и учащиеся; потребности взаимного общения и обогащения; потребность доверия.

Да, школа — это не единственное воспитывающее учреждение, но школа — это учреждение, в котором можно выполнить и восполнить то, чего не хватает в семье. Мы ничего не можем сделать одни, но помочь человеку найти ответы на вопросы о жизни мы можем. И эта проблема очень глубокая.

В. ОБОТУРОВ

То, что мы пришли говорить о повести Тендрякова, уже само по себе свидетельство актуальности

проблем, поставленных в этом произведении. Оно возбуждает мысли, которые далеко не анахроничны.

Тендряков заставляет спорить — в этом его достоинство. Он умеет быть современным в каждой вещи. Здесь часто звучали слова, что эта его повесть схематична до предела. Звучали и такие слова: почему ребята как с цепи сорвались? Где объяснения?

Писатель с таким опытом и талантом, как Тендряков, умеет строить свои вещи. И если он подчеркивает какие-то линии, какие-то параллели или противопоставления в своей повести, значит, именно это ему необходимо.

Заметьте: Тендряков не повторяется ни в одной из своих повестей, ставит себе различные задачи. Возьмите такую вещь, как «Весенние перевертыши», — она тоже о школьниках, но совершенно не похожа на эту повесть. Там он внимательно занимается бытом, анализирует внутренние побуждения героя, а здесь этого нет, здесь все обнажено, и для этого, я думаю, есть свой резон.

В повести «Поденка — век короткий» он исследует становление человеческой личности. А здесь этого нет. Но может быть, и не должно быть? А раз так, то надо относиться к этой повести соответственно замыслу, надо рассматривать то явление, которое дает художник.

Но в то же время, конечно, надо видеть и просчеты, которые проистекают из самого замысла, из самих этих особенностей.

Например, Юлечка выступает со своей речью. Сама по себе речь по мысли интересна, а в характер Юли мне не очень верится, потому что в пределах той задачи, которую писатель избрал для себя в этой повести, этот характер все-таки раскрыт не очень глубоко. Писатель не нашел для своей Юлечки единственно необходимых слов, чтобы мы в эту Юлечку поверили.

Выходит, все-таки схематизм? Да, но я говорю о неудаче частной, а не о схематизме всего произведения.

Если говорить о проблематике этой повести, то, конечно, это совсем не школьная проблематика как таковая, а человеческая проблематика. То, что учителя вместо разговора о воспитании говорят о технических средствах обучения, это не слабость Тендрякова, а сознательный расчет,

прием, благодаря которому видна слабость учителей, которые не всегда могут видеть то, что им надо видеть. Не случайно и молчаливая учительница и старая учительница говорят о ребятах — дескать, какие они милые и хорошие, но в то же время разошлись ведь учителя так, что дальше ехать некуда!

Повторяю: не в школе как таковой дело, а в конкретных людях. В жизни часто бывает, что людям хочется знать мнение друг о друге. Ситуация такая возможна и необходима. Но здесь дело в другом: Тендряков рисует таких людей, которые, собравшись поговорить о серьезных вещах, так и не нашли в себе достаточной нравственной силы и умения говорить открыто. Вернее, разговаривать еще могут, а вот уважать друг друга — этому не научились они. И подростки и, увы, взрослые.

Может показаться, что несоприкосновение двух линий повести — ее слабость. Но не соприкасаются они как раз потому, что в школе больше заботились о знаниях, чем об умении жить в обществе. Отсюда и разобщенность, то есть нравственный промах, пробел.

Почему ученики кажутся более интересными, чем учителя? Здесь есть ответ. Учителя рассуждают о том, что им давно знакомо и о чем они много раз говорили, и не видят практического смысла и выхода из своих теоретических представлений. Поэтому они скучны. У ребят же каждое слово — это действие. У них все активно. У Тендрякова ребята обнажено страдают. Вы видите, как Генка корчится, как мучаются другие...

Лев Аннинский говорит: раз есть топор, он должен опуститься. Не знаю, должен ли! Может быть, не надо было автору давать такое плоское прозвище герою. Но все-таки угроза, которая с этим связана, прозвучала реально. Дело же не в прозвище, не в символе, а в том, что об этой угрозе говорит Сократ Онучин, парень, принятый не только в этом, школьном, но и в том преступном мире, который знает цену той враждебной среды, ее повадки. Он-то и возвращает ребят к реальности, заставляет их подумать о Генке, забеспокоиться о нем.

Вот когда ребята поняли это, стало ясно, что они могут понять и другие нравственные ситуации. Могут с честью выйти из того душевного испытания, в которое их вверг автор...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ РЕДАКЦИИ

Споры в повести — и споры о повести... Верно говорится участниками обсуждения: повесть Владимира Тендрякова написана так, что предлагает дискуссию, столкновение самых различных мнений. Автор затрагивает животрепещущие вопросы работы сегодняшней школы, нравственного воспитания подростков. И делает это в форме подчеркнуто острой, обнаженной.

С тем, что проблематика повести В. Тендрякова очень важна, как мы видим, согласны все. А свидетельства учителей, практиков школьного дела, придают этому мнению особую основательность. Существуют и другие веские свидетельства: вопрос о том, что школа должна лучше готовить ребят к жизни, что обучение необходимо теснее связать с воспитанием, что, наконец, особое место в этом принадлежит преподаванию гуманитарных дисциплин и прежде всего литературы, — вопрос этот активно обсуждается в печати. Например, недавно в «Комсомольской правде» (28 и 29 ноября 1974 г.) помещены материалы заседания президиума Академии педагогических наук СССР, обсудившего состояние преподавания литературы в общеобразовательной школе.

Разумеется, В. Тендряков пишет не о вопросах преподавания как таковых, его задача шире: писателю важно выяснить, почему школа зачастую не использует возможностей нравственного воспитания, нравственного влияния на душу молодого человека. Как и в других своих произведениях, писатель идет от реальных проблем жизни и остро чувствует их диалектику. При этом В. Тендряков — также в соответствии с особенностями своей творческой манеры, своего способа художественных

доказательств — создает ситуацию во многом экспериментальную, условную, позволяющую ему поставить вопросы с наибольшей обнаженностью.

Это сложный путь, сложный метод исследования. И следует признать: не во всем автор повести достаточно убедителен. Говоря о «Ночи после выпуска», нельзя ограничиться простой констатацией проблематики, как это делает Т. Пересунько: верно очерчивая круг вопросов, поднятых в повести, она вместе с тем не прибегает к эстетическим оценкам, не касается того, что же получилось и что не получилось у писателя. А между тем здесь — суть отношения к повести. Да, мы должны, чутко воспринимая замысел художника, соглашаться с теми «правилами игры», которые он предлагает (об этом говорит В. Оботуров). Но это не избавляет нас от права судить, каков же художественный итог произведения.

Перед нами философская притча, считает Е. Топавер. Произведения В. Тендрякова, несомненно, бывают близки жанру притчи с ее заостренной условностью, сознательным дидактизмом. Но в любой манере, как бы условна она ни была, должен обязательно присутствовать критерий художественной убедительности. В. Тендряков же в этой своей повести, на наш взгляд, далеко не во всем соблюдает меру соотношения между заострением и правдоподобием, и в результате нарушается психологическая правда. Отсюда и возникает то ощущение схематизма, о котором так или иначе говорилось на нашем обсуждении.

Это особенно относится, на наш взгляд, к изображению подростков. «Нравственный стриптиз» (скажем так, в свою очередь, насколько заостряя), который про-

исходит в городском парке, вызывает ощущение явной нарочитости, натяжки. Думается, нет оснований считать, будто автор «торжествует» (Л. Аннинский), описывая беззащитность, жестокость подростков. Скорее, очевидно, надо говорить о впечатлении, которое возникает помимо воли автора. Но как бы там ни было, ребята, выведенные в повести, неприятны. Между тем, очевидно, В. Тендряков хотел изобразить как раз нечто обратное, хотел представить своих молодых героев в привлекательном свете, показать, что в них живет доброта, готовность к участию. Об этом говорит финал повести. В пользу именно такого вывода свидетельствует и другое недавнее произведение В. Тендрякова — «Весенние перевертыши», также посвященное миру подростков и проникнутое мыслью о добре, о достоинстве... Думается, повесть «Ночь после выпуска» приобрела неточное звучание именно потому, что ее автор переступил границы необходимой условности, пренебрег реальной логикой сюжета и серьезными обоснованиями характеров. Спасать или не спасать товарища, жизни которого грозит опасность, — вот ведь какой вопрос решают герои. И проявляют при этом такую дозу «статистической» рациональности, какую, право, никак не перекрывает их конечное решение: все-таки спасать!..

К сожалению, в столь искусственном эксперименте терпит ущерб и проблематика повести; спор учителей о нравственном воспитании, которое дает школа, далеко не во всем естественно связывается с человеческими судьбами, со взаимоотношениями героев...